
Три параллели: музеи Политехнический, Зоологический МГУ и Дарвиновский

Александр Федорович Котс

Три параллели

Сложное и спорное понятие о сущности и форме современного естественно — научного Музея можно всего проще пояснить путем анализа немногих но конкретно избранных примеров — трех биологических собраний, хорошо известных пишущему эти строки в продолжении целого полвека.

Разные по целеустановкам, содержанию, тематике и по истории возникновения эти собрания суть следующие:

I. Отдел «Прикладной Зоологии» Гос. Политехнического Музея

II. Зоологический Музей при Моск. Гос. Университете.

III. Гос. Дарвиновский Музей.

Сравнительной характеристике этих музеев мы и посвятим последующие страницы.

Мы начнем с тавтологии: указания элементарных двух условий вне которых вообще не может быть «музея»:

A. Наличие стабильных полноценных экспонатов.

B. Доступность, приспособленность их для показа.

Отступление от первого условия низведет Музей до положения учебной «Выставки», несоблюдение второго — превратит Музей в хранилище музейных материалов.

Столь же очевидно, что в обоих случаях необходима всего прежде расшифровка двух понятий: «Полноценность» и «Доступность». Субъективные до крайности значение и смысл этих двух понятий обусловлены всецело тем, **кому** доступен должен быть Музей и **кто** его главнейшие ценители?

Короче: Для кого и для чего предназначается Музей и в чем его отличие от остальных музеев? Без подобной дифференцировки обсуждение приведенных двух «условий» — бесполезно и бессмысленно поскольку самый «ценный» и «доступный» экспонат, но помещенный на ненужном месте, может оказаться «недоступным» и «бесценным».

Именно в музейной практике не менее, чем в человеческом быту, ценность объекта «объективная» определяется средой, природой требований, ею предъявляемых.

Итак, вопрос о «потребителях» и «целях потребления». От разрешения этих двух вопросов в широчайшей степени зависеть будет и решение всех прочих: о тематике, методике показа, ценности экспонатуры, ее внешнем оформлении и увязки с требованиями современности.. вопросы эти никогда не разрешимы при «безличном», схематическом подходе.

Все это — элементарные тавтологии и однако только игнорированием их возможно объяснить не малое число ошибок или промахов музейной практики.

К числу таких ошибок мы, согласно предидущему, относим всего прежде столь обычную тенденцию **недоучитывать** господствующий тип и профиль посетителей каждого данного музея, а тем самым и созвучность экспозиции с запросами именно этой доминирующей клиентуры.

Можно возразить, конечно, что преобладающий характер зрителя определяется характером Музея, его вещным и идейным содержанием: Музей животноводства приспособлен всего прежде к нуждам Зоотех-

ника, Зоологический Музей обслуживает лиц, причастных к изучению животных, Дарвиновский — предназначен для людей, стремящихся усвоить современное научное мировоззрение.

Формально — это так, но именно формальность этого разграничения не раскрывает истинного «профиля» Музея в каждом частном случае и не спасает от навязывания музеям целей и задач, несвойственных их основным задачам и руководящим установкам.

Как и всякое культурно-просветительное учреждение, разбираемые три музея, Дарвиновский, Зоологический и соответствующая часть Политехнического (Отделы Прикладной Зоологии и в частности Животноводства) хорошо показывают нам зависимость господствующего типа посетителей от **трех** ближайших факторов:

1. Общеобразовательность тематики Музея.
2. Доступность вещного показа для **ближайшего** его истолкования.
3. Доходчивость **конечных** выводов и обобщений.

Выпадение хотя бы одного из этих факторов или условий угрожает превратить «общеобразовательный» музей в «профессиональный». Ориентация на «массового» зрителя сменилась бы упором на «профессионала».

И расценивая в свете этих требований зрителей трех разбираемых музеев следует признать, что разнородность этих зрителей зависит всего чаще от несоблюдения **второго** пункта.

Самых специфичных потребителей-профессионалов мы найдем поэтому в Политехническом Музее, менее «профессиональных» посетителей — в Зоологическом и наименее специфичных, т.е. лиц, предельно разнящихся по образовательному уровню и кругу интересов, мы найдем в музее Дарвина.

Однако, эта разная «профессиональность» массового потребителя музеев представляется настолько «задушеванной», что требует дальнейших пояснений и разбора каждого из этих трех музеев.

I. — Зародившийся из «Всероссийской Политехнической Выставки» (1872 г) **Политехнический Музей**, подобно всякой Выставке, не может разумеется, рассчитывать на полное и планомерное использование **одним** лицом. Можно уверенно сказать, что за три четверти столетия существования Политехнического Музея не было такого человека или группы лиц, которые бы выполнили непосильный труд — усвоив экспозицию **всего** Музея, как немислим человек, способный овладеть всем содержанием Энциклопедического Словаря.

И как значение «Технического Словаря» определяется возможностью его использования лишь по мере надобности и лишь в меру «специальности» его отдельных потребителей, так и при оформлении **«пятнадцати маршрутов»** или подотделов нашего Центрального Музея Техники упор ведется на «профессионала» или на людей, желающих им стать.

Конечно, эта ставка на «специалистов» настоящих или будущих, не исключает массового зрителя Музея. Но претензий или жалобы такого зрителя на трудность понимания отдельных экспонатов названный Музей не склонен был бы принимать. И то, что сотни аппаратов и машин Музея остаются непонятными для массового зрителя не вынудит Дирекцию Музея удалить эти объекты из экспонатуры, или заменить их более простыми и понятными.

На заявление рядового зрителя о том, что он не понимает техники процесса получения «Сопрена» из Ацетилена, или техника устройства «фототелеграфа», или, что ему осталось непонятным, что такое «шпульная головка ткацкого станка с прибором Асафова для автоматической смены шпуль», — музейная дирекция могла бы возразить, примерно, следующим образом:

«Для понимания этих процессов и приборов требуются знания по химии, физике и технологии, без каких-либо познаний усвоение означенных процессов и приборов также невозможно, как и чтение книги лицами, не знающими азбуки.»

«Учить элементарной физике и химии — не входит в функции музея, или данного его раздела. Потрудитесь же приобрести необходимые познания по физике и химии на стороне и, заручившись ими, приходите к нам

опять в музей. Менять же или упрощать экспонатуру только потому, что вы не подготовлены для понимания ее — не более разумно, чем изъять из библиотеки „трудные книги“ только потому, что книги эти не по силам некоторым читателям».

Итак, действительно усвоить всю экспонатуру нашего Центрального Музея Техники возможно только для специалистов или для людей, готовых, собирающихся ими быть.

Но вытекает ли отсюда, что Музей этот не может быть использован и «массовым зрителем»? Конечно, — нет! Ведь не одни же техники-профессионалы заполняют залы этого Музея в такой мере, что порой не остается в раздевалках ни одной свободной вешалки.. Однако, нас интересует здесь не факт **пространственного наполнения** Музея зрителями, но вопрос определения **реальной пользы**, вынесенной из осмотра. А реальность этой пользы станет очевидной, если мы вернемся к приведенным выше **трем** условиям, определяющим характер эффективности какого ни на есть музея.

Эти **три** условия:

I. Общеобразовательность тематики.

II. Доступность вещного показа.

III. Доходчивость конечных выводов и обобщений.

Но нетрудно видеть, что **несоблюденным** в разбираемом Музее оказался бы для рядового массового зрителя лишь пункт **второй**. Два прочих пункта сохранили бы вполне свое значение и для массового зрителя.

Причины этого понятны. Достижения технической науки, техники, промышленности, сельского хозяйства, в отнении историей — что может быть конкретнее, понятнее и современнее, чем эти проникающие всю нашу действительность технические достижения! Это замещение сохи — комбайнером, лукошки — инкубатором!

Мы повторяем: и «тематика» (пункт I) и «доходчивость конечных выводов» (пункт III) в экспозиции Политехнического Музея обеспечены заранее в сознании каждого из посетителей хотя бы только потому, что прежде, чем переступить через порог Музея, он, этот музейный зритель уже пользовался этой техникой. И как для восхищения последней (например московским Метрополитеном..) нет необходимости знать обязательно строения моторов, так и проходя по бесконечным залам нашего Политехнического Музея и оглядывая «на ходу» бесчисленные аппараты и машины, можно и не проникая в их устройство, осознать величие технического гения.

В этой общеизвестности «тематика» Музея и его «конечных выводов», практически знакомых каждому из повседневной жизни, — коренятся преимущества и слабость этого Музея.

Преимущество — предельная понятность целей и задач музея.

Слабость — полная неувлечимость подлинного усвоения **вещной** экспозиции для массового зрителя.

Не трудно видеть, что в обоих случаях принципы экспозиции таких музеев сильно приближаются к задачам выставок и этот **выставочный** элемент в структуре нашего политехнического Музея еще ярче выступает при сопоставлении его с Музеем Зоологии и с Дарвиновским Музеем.

II. — Начнем с **Зоологического Музея** при Московском Университете.

Как показывает самое название — Музей этот идейно, исторически и территориально связан со старейшим русским Университетом.

Сказанным определяется и клиентура, и тематика Музея.

Зародившись, как научное и учебно-вспомогательное учреждение Музей этот лишь за последние десятилетия активно приобщился к массовой работе, распахнув широко свои двери для приема групповых и одиночных посетителей. Состав последних без труда определяется тематикой музея: демонстрация главнейших представителей животных и на первом месте — Фауны России.

Но отсюда основной «профессиональный» профиль посетителей Музея: лица, по призванию, по профессии, или по временной обязанности причастные к зоологической науке.

К первым отнесутся все любители животных и охотники, зоологи по страсти и природные натуралисты, ко вторым — зоологи «по службе», к третьей категории — студенты и учащиеся разных школ, начальных, высших или средних, независимо от подлинного интереса к Зоологии, включенной в обязательные курсы и программы.

Сказанным определяется и «профиль» данного Музея: быть «Пособием» при прохождении учебников и лекционных курсов Зоологии, наглядным вещным справочником для профессионалов, местом радостного отдыха и поучения для любителей-натуралистов.

Тем не менее, упор в экспонатуре данного Музея делается на профессионала, как в Политехническом Музее, и во всяком случае на посетителя, готового и вынужденного примириться с трудностью и сухостью показа некоторых тем. И как нелепы были бы протесты или жалобы на непомерное обилие машин в Политехническом музее, также неуместны были бы в Зоологическом Музее ссылки на чрезмерное обилие зверей и птиц и затруднительность для незоолога запомнить их названия и признаки. И там, и здесь — упор экспонатуры взят на посетителей, готовых или вынужденных **не** считаться с трудностями содержания, и уступки в смысле упрощения последнего возможны только в меру, не снижающую ценности Музея для профессионала, будущего или настоящего.

Но, если так — то очевидно, что экспонатура данного музея может и не удовлетворить людей, лишенных прирожденного влечения к познанию животных, — лиц, несвязанных «учебно» и «служебно» с Зоологией.

Что это так — нетрудно пояснить, вернувшись к приведенной выше схеме **трех** условий эффективности музейного осмотра.

1. **Тематика**, т.е. познание животных в их естественной научной группировке, — тема, мало говорящая уму и сердцу ненатуралиста. Полагать обратное и думать, что без знания зоологии, науки о животных, невозможно полноценное образование — равносильно было бы признанию, что крупнейшие ученые-мыслители минувшего и настоящего столетия — Историки, Политики, Философы, Экономисты, Литераторы, не получившие естественно-научного образования, — были «мало» образованные люди!
2. Доступность вещной экспозиции — только условная для ненатуралиста, но, конечно, и необязательная для последнего. Утверждать обратное — не значило бы разделять былое удивление Дарвина-подростка, в увлечении Орнитологией, наивно недоумевавшего, «почему каждый джентльмен — не Орнитолог!»
3. Доходчивость конечных выводов: Идея Эволюции и Дарвинизма лишь с трудом вылуцчивается из однорядного систематического размещения животных даже опытным ученым в силу рыхлости взаимной связанности форм животных, однорядно расположенных и в силу дедуктивности идеи эволюции, лишь привносимой в эту эмпирическую группу фактов, а не выводимой индуктивно из нее.

Сводя в одно все сказанное о **Зоологическом Музее**, можно следующим образом сравнить его с **Политехническим**.

Там, именно в Политехническом Музее — полная понятность темы («Социалистическая Техника») и целей (Соцстроительство), но малая доступность для непосвященных зрителей, для непрофессионалов, **вещной** экспозиции («Прозрачный карбюратор», «Жакаровский станок»).

Обратное в Зоологическом Музее: полная доступность восприятия отдельных экспонатов («Галка», «Лев», «Акула»..), но сильнейшая опасность восприятия их вне объединяющей идеи — Эволюционного Учения.

Примирить понятность фактов и доступность их значения и смысла для широкой массы **ненатуралистов** — таковы задачи **Дарвиновского Музея**, как общеобразовательного Учреждения.

III. — Для кого предназначается и на какие цели ориентирован Музей имени **Дарвина**?

Ответом служит самое название Музея.

Не совсем удачное, не покрывающее всей тематики Музея, оно связано с крупнейшим достижением Биологии минувшего столетия, — обоснованием Эволюционного учения **Дарвиным**.

Биологическая база современного научного мировоззрения, — учение Дарвина об эволюции живой природы может и должно быть достоянием всех людей, причастных к умственной культуре.

Можно быть невеждой по вопросам техники и зоологии, не знать конструкции мотора и прядильного станка, не знать классификации животных, но не может быть сознательного человека современной нам эпохи, не имеющего представления о Дарвинизме, как естественно-научной базы современного научного мировоззрения.

Приобщение к Дарвинизму обязательно для всех людей, причастных к современной умственной культуре.

Но является вопрос: в каком объеме и каким путем осуществить его в музейной практике? Конкретнее, короче: на какие кадры посетителей рассчитана экспонатура Дарвиновского музея?

Отвечая на вопрос, необходимо указать на два момента или показателя, могущих ограничить освоение Дарвиновского Музея, именно: «образовательный» и «возрастной», поскольку третий показатель именно «профессиональный» совершенно отпадает.

Полагать обратное и думать, что отдельные профессионалы могут обойтись без ориентации в мировоззренческих вопросах, равносильно было бы признанию за такими лицами свободы от обязанности или права пользоваться своим разумом, чтобы осмыслить свою собственную человеческую жизнь.

Остаются таким образом лишь **два** ограничительных критерия: Образовательный и Возрастной, оба весьма условные, хотя и в разной степени.

Есть, разумеется, известные пределы молодости, затрудняющие усвоение какого ни на есть мировоззрения: младенцев на руках у матерей не приобщить Вам к Дарвинизму, как не приобщите их к знакомству с «карбюратором» или с фаунистикой и систематикой.

Но и младенцы, более продвинутые по развитию и возрасту, являются порой не слишком благодарными в стенах мировоззренческих музеев.

Хорошо известно, что мировоззренческие интересы возникают у людей в разную пору жизни и гораздо позже, чем влечение к фактическому знанию. И не случайно курс эволюционного учения для средней школы отнесен в программу старших классов, да и то пока лишь с относительным успехом.

И, однако, с упомянутыми оговорками, за вычетом людей, чрезмерно юных по развитию и возрасту, можно уверенно сказать, что приобщение к учению эволюции живого мира, как оно представлено в Музее Дарвина доступно для людей любой профессии, не требуя от них особых знаний или подготовки, кроме общей и элементарной любознательности в сфере умственной культуры.

Возвращаясь к нашим трем условиям реальной эффективности показа, а тем самым усвоения научных знаний, предъявляемых музеем, можно утверждать, что в применении к Дарвиновскому Музею все они, эти условия доступны выполнению в предельной степени:

1. Понятность вещной экспозиции — при вдумчивом ее подборе, выключении всего не в меру трудного и специального.
2. Доступность основной тематики: Откуда, каким образом произошли животные и человек?
3. Доходчивость конечных выводов и обобщений.

Длительным, но в сущности простым анализом мы подошли к характеристике трех избранных музеев: **Дарвиновского, Зоологического и Политехнического.**

Не довольствуясь формальным, внешним лишь определением задач и целей каждого из этих трех музеев, мы пытались выяснить реальные условия или возможности фактического выполнения этих задач.

Решение этого последнего вопроса в свою очередь зависело от расшифровки сложного и многозначного понятия «музейный зритель» именно поскольку «профиль» всякого музея обуславливает «профиль» зрителя, определяется господствующим «типом» этого последнего.

И в этом смысле мы старались оценить тематику музеев и реального их потребителя с тройкого аспекта:

I. в отношении тематики Музеев.

- A. Доступности конкретной вещной экспозиции.
- B. Доступности ближайшего значения экспонатов.
- C. Доступности конечных выводов и обобщений.

II. в отношении музейных «потребителей» трех категорий.

- A. Посетителей профессионалов, не смущающихся никакими трудностями экспозиции.
- B. Посетителей «облигаторных», вынуждаемых «по долгу службы» или по обязанности «учебы» преодолевать встречаемые трудности.
- C. Зрителей факультативных, посещающих музей по личной инициативе и свободных в выборе его отделов и отдельных экспонатов только в меру подлинной их увлекательности и доступности для массового зрителя.

III. в отношении эффективности осмотров, мыслимой в тройкой форме.

- A. Углубления профессиональных знаний.
- B. Пополнения, конкретизация вещных представлений.
- C. Утверждения и усвоения мировоззренческих идей и выводов.

И вот, рассматривая в свете этих трижды трех аспектов (Темы, Зрителя и действенности) этих трех музеев, мы пришли к признанию громадной специфичности, присущей каждому из них.

I. Музей Политехнический. Вполне оправдан только для профессионалов (**Группы I**, подгруппы А), настоящих и будущих, поскольку именно для них всецело приложимы все шесть критериев полезности музея (I. — А, Б, В, — III. — А, Б, В.)

Менее реальна эта эффективность для учащихся (входящих в **Группу II**, — подгруппу Б), поскольку часть музейной вещной экспозиции обычно остается недопонятой и неохваченной из-за обширности Музея или недоходчивости экспозиции.

Громадным плюсом этого Музея, искупающим его несовершенство (по **Разделу I**, подгруппам А и Б) является полнейшая доступность ибо априорная осознаваемость конечных выводов (по **Разделу III**, и пункту В).

II. Музей Зоологический Московского Университета.

Полностью оправдан для музейных посетителей из **Группы II**, раздела Б, т.е. «учащихся»: для них, учащихся всех возрастов и рангов, для которых получение или повышение знаний по фаунистике и Систематике вменяется в обязанность, есть дело долга и влечения.

Гораздо ниже ценность этого Музея в его выставочной части для сложившихся ученых (**Группы II**, подгруппы А), в силу неизбежной сжатости экспонатуры, содержащей наряду с отдельными редчайшими объектами стандартные коллекции большой музейной ценности, но содержащей мало нового для знатока науки.

Всего менее весома роль Музея для широких масс (**Группы II**, подгруппы В) факультативных посетителей (но **ненатуралистов**) из-за трудности представить рядовым расположением объектов (чучел или банок) «Эволюцию» животных в «филетическом» аспекте, (их предполагаемой «Родословной») и поскольку вне этой системы экспонаты могут выявить только ближайшие закономерности и связи, но не обобщения мировоззренческого ранга.

III. Дарвиновский Музей.

Исходная и основная цель Музея: примирить в своих стенах на той же одинаковой для всех, экспонатуре, интересы и запросы **всех** указанных трех категорий зрителей: Учащихся всех возрастов и рангов, академиков-ученых, знатоков-любителей науки и нетронутого ею массового рядового зрителя.

Добиться выполнения этой задачи и не в форме лишь словесных деклараций, но и реальным образом возможным оказалось только при введении ряда новых методов и установок.

В какой мере это начинание осуществимо — в этом всего лучше можно убедиться на сравнительном анализе путей и форм возникновения или строительства трех разбираемых музеев, перейдя от их статической характеристики к их творческой динамике.

Начнем с Политехнического. Основную часть этого сложного «Музея-комбината» или комплекса музеев следовало бы назвать «Политехнической постоянной Выставкой» не только по характеру экспонатуры, но и по сменяемости таковой.

Такое разделение экспонатуры на «музейную» и «выставочную» не должно понимать, как разную квалификацию обоих. Равнозначные и равноценные, но каждая лишь в своей области и для своих задач, два эти способа показа в крайних своих формах явственно разграничимы, и смешение обоих типов экспозиции является одной из наиболее обычных и — увы! — несознаваемых ошибок молодых неопытных музейцев.

Эту разницу между «**музейной**» экспозицией и «**выставочной**» всего проще можно пояснить вопросом:

«Сколько времени потребовалось для ее организации?»

Мы отвечаем историческими справками.

В своем последнем, обновленном виде Отдел Животноводства **Политехнического Музея** создан за **три** года.

Гос. Зоологический Музей имеет более, чем **вековую** давность.

Дарвиновский Музей, фактически основанный в 1905 году, в действительности опирается о полувековой музейный опыт основателя его (пишущего эти строки) и содержит сборы 80-летней давности.

Эти **три** даты: Три года, **Сто** лет и **Полстолетие** — вскрывают первое элементарное различие между созданием «Музея» и устройством «Выставки»: если для первого нужны десятилетия, то для вторых достаточно бывает пары лет.

Это различие во времени есть органическое следствие различия в составе или содержании трех разбираемых учреждений.

В самом деле, каково реальное фактическое содержание экспозиции в Политехническом Музее, в частности в его Животноводческом Отделе?

Как и в остальных отделах этого Музея экспонаты состоят по преимуществу из манекенов и муляжей, фотографий и таблиц, схем, диаграмм, технических приборов, аппаратов и машин, инсценировок панорамного характера, плакатов, лозунгов и только единичных образцов картин и полноценных натуральных препаратов.

Разные по абсолютной ценности, очень полезные для своих целей все эти предметы в общем без особого труда восстановимы в случае утраты, как и собирались они в свое время без особенных затрат.

Для заготовки или приобретения этих экспонатов требовались всего прежде денежные средства, при наличии которых можно организовать подобные же Выставки в любом количестве. И самый факт, что за последние 15 лет Отдел Животноводства многократно в корне изменял свою экспонатуру, применяясь к новым требованиям и успехам Сельского Хозяйства — головою выдает сугубо выставочный, **не** музейный стиль его экспонатуры.

Совершенно очевидно, что сменять такие экспонаты, как машины и приборы, клетки и кормушки, инкубаторы и прочую аппаратуру массового производства — дело, не особо трудное в условиях нормальной жизни государства. Также относительно легко произвести замену фотографий и таблиц, муляжей и макетов и декоративных оформлений, выполняемых в порядке массовых заказов и подрядов...

Но отсюда же сравнительная малоценность вещного состава экспонатов, вытекающая из задач и темпов устройства Выставок такого рода. Хорошо известно, что для создания «типизированных» экспонатов Выставок достаточно быть «в курсе» современной техники, приобретать новейшие модели, заручиться консультацией специалистов и участием художников и декораторов для оформлений надписей и в лучшем случае — оригинальных красочных панно и.. «Выставка» готова.

Никаких научных изысканий и самостоятельных исследований, или проверок таковых не требуется от подобных Выставок и никаких научных фондов, кроме выставленных объектов, не имеется. Показывая образцы пород рогатого скота, формы ухода и утилизации его Музей не проверял на практике рекомендуемые им породы и приемы содержания. Достаточно лишь взять в основу соответствующие руководства и перевести их данные на вещно-образный язык экспонатуры «Выставки» или «Музея». Составление подобной экспозиции — под силу каждому хорошему животноводу-зоотехнику при помощи бригады декораторов-художников и при наличии необходимых средств.

Насколько иначе рисуются работы по созданию подлинных музеев, как и самые условия их зарождения. В этом наглядно убеждает нас история и тип работы двух других интересующих нас учреждений, в частности **Музея Зоологии при Московском Университете**.

Б. — Обладающий столетней давностью и опираясь на громадный вековой научный опыт выдающихся ученых названный Музей в своей общедоступной, экспозиционной части несколько моложе, именно поскольку основное и ценнейшее ядро его экспонатуры стало зарождаться лишь с начала семидесятых годов прошлого столетия.

И в самом деле. Основным ценнейшим фондом экспонатов выставочных зал рассматриваемого Музея были и останутся многие сотни замечательных таксидермических объектов, в свое время вышедших из мастерской натуралиста-препаратора **Ф. Лоренца**, снабжавшего на льготнейших условиях (частью — бесплатно..) названный Музей произведениями своей замечательной мастерской.

Не отрицая интересных пополнений выставочных зал, произведенных уже после смерти Лоренца (1909), можно утверждать, что в случае изъятия из экспозиции «Лоренцевских» препаратов, основной отдел Музея, именно **Млекопитающих**, явился бы настолько обескровленным, что обесценен оказался бы его осмотр.

Но допустим, что Музею предстояла бы работа по восстановлению Лоренцевских препаратов. На подобную работу в лучшем случае потребовались бы *десятилетия*.

По счастью названному Музею не приходится подумывать об этом: Лоренцевы препараты, — эти «Страдивариусы» Зоологии — переживут века... Но тем важнее пополнение этой коллекции недостающими объектами.

Нетрудно видеть, что работу эту следует рассматривать, как неотъемлемую часть работ Музея, независимо от методов показа в выставочных залах.

Как подать, показывать отдельные объекты — далеко не безразлично, но решается этот вопрос неизменно легче, чем другой: откуда раздобыть Музею самые объекты?

«Pour bien cuire un lapin, il faut avoir un lapin!»

«Чтобы хорошо зажарить кролика — надо иметь кролика!» и основная первая задача каждого Музея Зоологии — достать необходимых «кроликов» и грамотно-научно их смонтировать.

Вопрос же о «подаче» кролика в зоологическом музее разрешается без всякого труда.

Полезно сказанное пояснить примером.

Неимение в Зоологическом Музее чучела Гиппопотама чувствовалось осязательным пробелом с основания музея. Выписать из заграницы бегемота было не по средствам, а живые бегемоты в царскую Россию поступали редко, подыхали еще реже, в музеи и совсем не поступали.

Лишь сравнительно недавно — к счастью для Музея и к несчастью для Зоологического Сада — пал хороший экземпляр Гиппопотама, поступивший в названный Музей и в виде чучела красующийся ныне в его выставочном зале.

Целое столетие потребовалось, чтобы получить самый объект, долгие месяцы для монтировки и буквально несколько минут, чтобы поставить экспонат на должном месте.

Эта длительная непрерывная забота по созданию новых постоянных экспонатов есть работа, не известная в работе Выставок. Гиппопотам в Зоологическом музее должен пережить века, от птичьих и звериных чучел, находившихся в Политехническом Музее, по прошествии немногих лет наверно не останется следа¹. Причина этому, конечно, та, что положение Бегемота в Систематике не скоро, а быть может никогда не устареет, а система инкубаторов, кормушек и рекомендуемых сейчас пород и кур сменяются по мере повышения требований и успехов сельского хозяйства. Даже более того.

Придя на смену существующим породам, новые породы кур или коров заставят позабыть и обесценить современные породы, как теперешние Орпингтоны и Род-Айланды всецело вытеснили и заставили забыть породы Павловских, Орловских кур, столь славившихся в свое время, но исчезнувших давно даже с музейных полок.

И наоборот, типичный представитель вымирающих животных, бегемот, чем дальше, тем все больше будет возрастать в цене, по мере истребления африканской фауны перед надвиганием культуры, и «настанет день», когда хранящиеся по музеям чучела этих живых свидетелей былых геологических эпох будут расцениваться как картины **Рубенса** и **Рафаэля**.

Таково принципиальное различие между музейными и выставочными экспонатами и техникой их создания или условиями их хранения.

Эта различная **стабильность** экспозиции двух разбираемых музеев, именно **Зоологического** и **Политехнического**, обоснована научно и музейно.

Практику-животноводу-зоотехнику всего важнее быстро и наглядно ориентироваться в **современных** апробированных расах или способах выращивания домашней птицы и домашнего скота. И в той же мере, как меняются и совершенствуются эти методы, меняется экспонатура Выставки, отображающей эти успехи.

Но совсем иначе строится, иным путем «бытует» экспозиция Музея, посвященная «Научной Систематике» живых существ, т.е. показу организмов в их естественных соотношениях и связях.

Представляется глубоко очевидным, что задача эта экспозиционно может быть представлена лишь в самом общем виде и в пределах, самых основных, элементарных, прочно установленных в науке и не подлежащих крупным изменениям. Со всею резкостью необходимо снова подчеркнуть принципиальное различие между открытием научным и его отображением в музеях разных типов.

Хорошо известно, что как раз в фаунистике и систематике животных было сделано в течение последних лет не малое число открытий именно советскими учеными. И даже более того, как раз в московском Университете и его Зоологическом Музее, связана крупнейшая в России Школа русских орнитологов (Северцев, Мензбир, Сушкин и Дементьев) и терологов (С.И. **Огнев** и его школа..). И, однако, почти все эти работы мало благодарны для «музейного показа» массовому зрителю. Но допуская даже, что отдельные новейшие открытия этих ученых-систематиков найдут свое отображение в Музее, допустить это возможно только при условии, что таковое не произойдет за счет снижения фундаментальной части экспозиции, как более существенной и обязательной для основного контингента посетителей Музея.

В полное отличие от практики Политехнического Музея, посвященного показу фактов и проблем «сегодняшнего Дня» и не имеющего повода показывать подробно историческое прошлое науки и ее элементар-

¹ Пророчество, исполнившееся в совершенстве: в стремлении ограничить экспозицию Политехнического Музея «технологией» отдели Зоологии ныне всецело ликвидированы (1946).

ные основы, в экспозиции Зоологических музеев главное внимание уделяется этому «фондовому» знанию и тем элементарным фактам, без которых невозможно и познание новейших достижений.

Каковы бы ни были последние — первейшая задача каждого учебного музея Зоологии — знакомство посетителей с главнейшими, характерными представителями современной фауны в их естественной научной группировке. Этот массовый музейный зритель может и не знать новейших достижений русских систематиков, открытия «ливийского» барханного kota в песках Закаспия (проф. Огневый) и новейшей систематики и «Родословной» кречетов (проф. Деметьева). Но если педагог-биолог, начинающий студент-зоолог и учащийся советской школы будут смешивать грача с вороной, тигра с леопардом или ястреба с кукушкой, то мы назовем таких людей невеждами, а экспозицию, не помогающую выправить эти ошибки — скверной. Ибо, как непродуктивно говорить об индустриализации нашего сельского хозяйства людям, неспособным отличить соху от плуга и овцу от кабана, так невозможна демонстрация новейших достижений наших систематиков-фаунистов людям, не могущим отличить бобра от выдры, ястреба от кобчика...

Есть некий минимум конкретных знаний, без которых невозможны никакие выводы и обобщения. И вот, поскольку получение наглядных знаний основных элементарных фактов Зоологии возможно лишь в стенах Музея, посвященного фаунистике и систематике животных, — именно постольку первая важнейшая очередная роль его сводима к планомерному подбору и показу этих основных незыблемых элементарных фактов.

Подобрать правдиво и умело, эстетически монтировать и показать в разрезе современных знаний главных представителей животных и поддерживать эту коллекцию на должном уровне — есть первая обязанность подобного Музея и невыполнение этих задач не может быть восполнено какими бы то ни было успехами иного рода. Все другие достижения Музея не предотвратят опасности того, что сам Музей окажется со временем на положении Учреждения, имеющего все теоретические предпосылки, четкость установки, ясность понимания задач и правильное освещение тематики, но не имеющего главного: фактического материала.

Выражаясь образно, такой Музей окажется на положении повара, имеющего все приправы для безукоризненной подачи жареного кролика, но не имеющего главного... самого кролика!

Мы видим, таким образом, что по вопросу о предметном содержании экспонатуры существует резкое принципиальное различие между Политехническим Музеем и Зоологическим: Там — преходящая, текучая экспонатура, большей частью массового производства, здесь — устойчивая, постоянная, приобретаемая зачастую не без трудностей в порядке ультра-индивидуальном.

Эта Антитеза: — Постоянство — Редкость, Индивидуальность и Текучесть — Массовость — Типичность еще резче выступает при сопоставлении экспонатов, «выставочных» и «музейных» там, где речь идет о специфических музеях типа **Дарвиновского**, к рассмотрению которого мы переходим.

В. — Говоря о содержании **Дарвиновского Музея**, можно утверждать, что его вещная экспонатура трудностью подбора в той же мере отличается от содержания Зоологического Музея, как последний от Политехнического.

В самом деле. Каковы музейные задачи и предельные их трудности в Зоологическом Музее? Подобрать возможно полно представителей отечественной фауны и типичнейших всемирной, в том числе редчайших, вымирающих животных, получение которых мыслимо только в порядке экстраординарном, будь то снаряжением особых экспедиций или помощью обменов с зарубежными музеями. Но как ни сложны эти операции, они сводимы всего прежде к денежным затратам. При наличии необходимых средств (или, что то же, соответствующих обменных материалов..) не исключена возможность приобретения ценнейших экспонатов, будь-то «Тасманийский Волк», индийский лев или «живое ископаемое» — африканская Окапи.

Но совсем иначе создавалась вещная экспонатура **Дарвиновского Музея**. Здесь достаточно категорически отметить, что за полстолетие существования этого Музея главным и решающим условием его успеха в деле получения величайших редкостей были **не** денежные средства, а моменты, всего менее переводимые на деньги.

В самом деле. Наряду со многими объектами, полученными через крупнейшие музеи зап. Европы и Америки или импортные зоологические фирмы Англии или Германии, имеются обширные разделы **Дарвиновского Музея**, при создании которых фигурировали факторы иного рода.

Обладая средствами и связями с зоологическими фирмами Вы можете (вернее Вы могли бы в прежнее, бывшее время) получить без всякого труда в порядке срочного заказа африканского слона и крокодила... Но попробуйте вручить зоологической торговой фирме или через них охотникам любой страны заказ на ...белого Орла? Любой охотник и любая фирма рассмеются Вам в лицо, отлично понимая, что возможно провести десятки лет в лесах или горах, изъездить и излазить сотни километров, перебить не малое число орлов, не встретивши ни разу белого...

И то же в отношении изменчивости у зверей. Пересмотрите величайшие музейные зоологические фонды Ленинграда, Лондона, Парижа в поисках отдельных уклоняющихся по окраске особей. Этим последним в лучшем случае окажется немного пар, случайно, спорадически вкрапленных в основные массы собранного материала.

Или попытайтесь организовать путем «покупок» экспозицию Отдела по Изменчивости и Наследственности одомашненных животных по Разделу изучения Наследственности и Селекции.

В готовом виде и в порядке «купли» эти материалы вообще не могут быть приобретаемы нигде, ни за какие деньги.

А теперь посмотрим, как сложились все эти разделы в практике и в обиходе **Дарвиновского Музея**.

Сорок лет, из года в год, день за день (1872-1909) производил покойный препаратор и натуралист **Ф. Лоренц** ежедневные обходы и осмотры главного московского базара дичью (того самого недоброй памяти «Охотного Ряда», на территории которого ныне находится великолепная гостиница «**Москва**»..), скупая привозившихся со всех концов бывлой России «выродков» различных промысловых птиц.

Десятки лет (1896-1946) производил подобные же сборы по музеям и коллекционерам автор настоящих строк, скупая и выменивая «выродков» различных птиц, случайно попадавших среди миллионов особей нормальных по окраске.

А в итоге — та коллекция аберративных по окраске промысловых птиц (и в частности «альбиностических» Орлов!), коллекция, которая является единственной и абсолютно уникальной в мире.

Столь же необычно шла организация Отдела, поясняющего основные Правила или закономерности Генетики: Теории Наследственности на примерах яркого, эффективного наследования признаков у одомашненных животных. Разрешить эту задачу можно было только опытным путем в итоге долголетних гибридных опытов в московском Зоосаде (в бытность пишущего эти строки его директором в 1919-1924гг) и в Питомнике Дарвиновского Музея в продолжении трёх десятков лет десятков опытов над голубями, утками, фазанами и курами, цветными крысами, мышами, кроликами и морскими свинками...Продолжаемые и поныне эти опыты одни могли доставить нужный экспозиционный материал позволивший Музею развернуть Отдел «**наследственности**» по наглядности непревзойденный и в музеях западной Европы.

Но бесспорно самым специфичным способом подбора экспонатов **Дарвиновского Музея** оказались уникальные возможности, открывшиеся для него в итоге долголетней его связи с учреждениями **Союзпушнины**, учреждения, ведущего добычей и реализацией пушнины, поступающей в Москву со всех концов страны.

Осуществляемая в порядке обоюдного «шефства» эта связь пушной промышленности и Музея сделала доступным для просмотра богатейшие запасы шкур пушных зверей и приобретения их для Музейных целей. Черные рыси, черные волки, черные зайцы, белки, суслики, сурки. Белые Волки, лисы, соболя, куницы, колонки, еноты, выдры, самые причудливые помеси животных, находимые лишь как редчайшие аномалии среди множества миллионов особей, нормальных по окраске и свозимых с необъятного пространства от Архангельска и Анадыра до Закаспия и Закавказья, оседающая в Дарвиновском Музее за истекшее двадцатилетие, обеспечили за ним подбор «мутаций» и географических подрас и варьететов абсолютно уникального порядка, уникальной ценности, заведомо и никогда неповторимые в других музеях.

В самом деле. Допуская, что ценой большой затраты времени, труда и средств возможно было бы сдублировать десятки опытов, когда-то проведенные автором для получения сотен экспонатов, поясняющих явление наследственности у животных, но и восстановить двадцатилетние автора и множества рабочих — сортировщиков по добыванию редких аномальных образцов пушнины из бесчисленных миллионов шкур, сводимых с отдаленнейших концов страны — граничило бы с невозможностью.

А что сказать о полувеком упорном коллектировании цветковых вариаций промысловых птиц трудами Лоренца, коллекции которого положены в основу **Дарвиновского Музея** полстолетие тому назад и невосстановимы никогда, никем и никакими средствами...

Описанные только что приемы собирания музейных материалов лишний раз подчеркивают радикальное несходство техники строительства трех разбираемых музеев:

- I. **Политехнического** по примеру «Выставок» с экспонатурой более или менее стандартного и массового производства, без труда восстановимой.
- II. **Зоологического**, в большей своей части состоящего из экспонатов, трудно, а отчасти вряд ли вообще восстановимых, и
- III. **Дарвиновского**, построенного в наиболее специфичной своей части из экспонатуры, абсолютно уникальной по составу и по способу, истории возникновения.

Мы подошли к итогам нашего аналитического очерка, имеющего показать то глубочайшее несходство содержания, истории, характера работ, задач и целей, способов и методов показа, что скрываются за мнимой простотой и однозначностью понятия «Музея».

И сопоставляя еще раз три учреждения, избранных для иллюстрации указанного положения, а именно музеев **Дарвиновского**, **Зоологического МГУ** и **Политехнического**, в частности Животноводческого его Отдела, можно разделяющие их черты суммарно сконцентрировать примерно следующим образом:

I. — Музей Политехнический. Является на деле постоянной Выставкой, но постоянной лишь по целям, территории и имени, на деле же все время изменяющей свою экспонатуру, применяясь к непрерывно возрастающим успехам техники и соответствующим запросам зрителей — профессионалов.

Именно для них в первую очередь, а частью исключительно и предназначена экспонатура данного «Музея — Выставки», поскольку сотни экспонатов абсолютно непонятны массовому посетителю Музея в силу крайней специальности сюжетов и недоступности их пониманию массового зрителя.

Такая ставка на «специалиста» и «на требования Дня» определяют все особенности экспозиции и вообще работы, весь характер деятельности Учреждения, в частности:

1. Отсутствие необходимости считаться при подборе и показе экспонатов с их понятностью для массового зрителя, поскольку содержание экспонатуры обусловлено потребностями техники и техников, готовых и обязанных преодолеть любые трудности для овладения техническими знаниями..
2. Отсутствие особо строго логического плана размещения экспонатуры: опытный профессионал не затруднится отыскать интересующий его прибор и не нуждается в особых методических приемах концентрации внимания.
3. Отсутствие необходимости внедрения в экспозицию момента эстетичности, поскольку никакой «эстетикой» показа сложного прибора не добиться понимания его профаном, а специалисту тот же аппарат полон значения и содержания независимо от эстетичности показа.
4. Отсутствие научно-исследовательской работы при Музее в смысле продвижения науки к новым достижениям: при многообразии экспозиции научный персонал Музея занят всего прежде поддержанием ее на уровне новейшей техники и ни проверкой аппаратов, ни тем более изобретением новых методов или приборов сам Музей не занимается.
5. Отсутствие научных **фондов**, связанное с отсутствием научно-исследовательской работы при Музее. При непрерывающейся смене содержания экспонатуры, помещение устаревшей в «фондовый запас» потребовало бы необъятной площади, гораздо большей, чем вся выставочная часть Музея.
6. Отсутствие особых трудностей в деле сохранения экспонатуры вследствие стандартности последней, допускающей восстановление ее в любое время и в любом количестве, текучести ее и неимением музейных фондов (нечему храниться — нечему и портиться).

7. Отсутствие особых помещений и особых штатов для изготовления новых полноценных экспонатов (а не только внешнего их оформления!), поскольку подавляющее большинство всех экспонатов поступает в более или менее готовом виде.

Таковы **семь** основных моментов, характеризующих собою «профиль» нашего **Политехнического Музея**: негативные по существу они сводят нас к полному или частичному **отсутствию** заботы об общепонятности экспонатуры, о логичности расположения, эстетичности показа, о самостоятельных открытиях в науке, об организации научных фондов, о хранении последних и о создании в самом Музее или силами его сотрудников научно — экспозиционных ценностей.

II. Музей Зоологический. В такой же мере отличается стабильностью экспонатуры, как Музей Политехнический — ее текучестью.

Причины этого понятны, коренясь не в косности Музея но в консервативности самой науки, им отображаемой: Фаунистике и Систематике.

В отличие от ускоряющихся с каждым днем прогрессов Техники успехи современной Систематики животных менее стремительны и в основных своих итогах только изредка нуждаются в поправках, несущественных для **неспециалистов** и фактически почти **не** отразимых в экспозициях Музея.

Эта прочность основных, элементарных фактов Систематики животных хорошо оправдывает длительное сохранение экспозиции в систематических музеях, с их упором на зоологов — профессионалов и любителей готовых и обязанных воспринимать ее в силу служебных обязательств или своего природного влечения.

Эта ставка на «специалистов» (настоящих или будущих) и на «любителей» и только во вторую очередь на «массового рядового зрителя» определяет «профиль» **Зоологического Музея МГУ** и в частности его позиции по отношению к семи моментам, нас интересующим:

1. Возможность не считаться при подборе экспозиции со степенью ее доходчивости и понятности для массового зрителя, поскольку содержание экспонатуры обусловлено запросами зоологов программами учебников, а не занятостью предмета для случайных и факультативных зрителей.
2. Возможность не придерживаться слишком строго жесткого логического плана в размещении экспонатуры, трудно проводимого в музеях разбираемого типа, да и не существенного, ибо без труда восстанавливаемого в уме любого сведущего зоолога.
3. Отсутствие особых стимулов к «эстетизации» показа, обязательной для массового зрителя но не зоолога — профессионала, не нуждающегося в подобном «сдабривании» науки помощью искусства.
4. Обязательность ведения научно — исследовательской работы по фаунистике и систематике, без каких Музей рискует очутиться в положении «Учебно-вспомогательного Кабинета».
5. Обязательность наличия и постоянного систематического пополнения «научных фондов» по научным материалам, в большей своей части **не** предназначенных для выставочных целей, но служащей перманентной базой для самой науки.
6. Обращение особого внимания на **сохранение** (оберегание от света, моли, пыли и других вредителей..) как выставочных материалов, так и фондовых, неэкспозиционных, по причине давности их поступления и абсолютной невозможности, для многих случаев.
7. Стабильность основной экспонатуры, лишь эпизодически сменяемой и пополняемой за счет объектов, индивидуального не массового производства. Ориентация на «вечность» экспозиции ввиду неотразимости (или точнее: малой отразимостью) на ней частичных и второстепенных лишь поправок, обуславливаемых успехами зоологической науки.

Таковы **семь** основных и специфических разделов деятельности Зоологических Музеев и особенность их «Профиля»: Стабильность экспозиции с упором на любителя, профессионала и учащихся, готовых воспринять ее безотносительно к особой плановости и эстетизации показа, выдвигание особой роли фондовых коллекций, не предназначенных для экспозиции, их изучение, охрана и неограниченное накопление как вещно-вечных документов абсолютного значения.

III. Переходим к третьему объекту нашего сравнения — **Дарвиновскому Музею**.

В полное отличие от предыдущих двух музеев, именно Политехнического и Зоологического, разделяющих обычные достоинства и недостатки «Вузовских» музеев и профессиональных «Выставок» — Музей имени **Дарвина** поставил себе новую и трудно разрешимую задачу: примирить на той же экспозиции запросы лиц, предельно разнящихся по образованию и возрасту, при том в условиях одной сквозной экскурсии, т.е. при **однократном** посещении Музея.

Эта ставка на «универсального», точнее обобщаемого зрителя, включающего лиц, самых различных уровней образования, сводима, как мы видели к борьбе с двойной опасностью: музейной «Сциллой» и «Харибдой» — Сциллой черствого Академизма и Харибдой упрощенческой вульгаризации.

Наметить золотую середину в содержании и методике показа, сделать ту же экспозицию равно занятной, увлекательной, понятной и полезной, новой, интересной, поучительной для самых разных категорий зрителей, от академика до школьника, или сезонника-рабочего — решить эту задачу **Дарвиновский Музей** пытается посредством ряда новых методов и установок, частью отраженных в нижеследующих пунктах:

1. Обязательство строжайшего ограничения экспонатуры лишь объектами и темами, легкодоступными для понимания каждому лицу, причастному к вопросам умственной культуры. Все противоречащее этим требованиям устраняется из экспозиции, безотносительно к практической или научной ценности объекта или темы.
2. Обязательство строжайшей плановости экспозиции, имеющей наглядно выявить не самые объекты, но идейные их связи и соотношения, не факты и предметы, но процессы, обобщения, теории, объединяющие факты, придающие им смысл и значение.
3. Обязательство ведения научно-исследовательской работы в целях насыщения экспонатуры **новыми** фактическими данными и претворения уже известных в свете новых обобщений. Опускание этих исследовательских элементов в экспозиции Музея превратило бы его в подобие «Учебного Музея» или «Школьной Выставки», дающих знания «из третьих рук».
4. Широчайшее использование полноценного искусства (Живописи и Скульптуры) и при том не только для **декоративных** целей, но для оттенения **научных** элементов экспозиции, не поддающихся иначе выявлению, и в целях не рассудочного только, но **эмоционального** захвата зрителей всех категорий.
5. Обязательство наличия музейных фондов, **не** предназначенных для экспозиции, но представляющих лабораторный материал, служащий **наряду** с экспонатурой подлинной научной базой для установления новых истин или нового истолкования уже известных.
6. Обязательство строжайшего надзора за сохранностью обширных фондовых коллекций и экспонатуры в большей своей части собиравшейся десятилетиями и предназначенной для постоянной «**вечной**» экспозиции.
7. Обязательство обширных плановых работ по созданию новых экспонатов силами самих сотрудников Музея или по его заданиям — картин, скульптур и препаратов, из-за явной невозможности их приобретения на стороне в готовом виде, всего менее — в порядке массового производства.

Пробегая эти трижды повторенные **семь** пунктов, выражающие «Профили» трех разбираемых музеев, можно без труда заметить специфические различия для каждого из них.

Минуя менее заметные со стороны отличия, отмеченные в пунктах 2, 5, 6 и концентрируя внимание на пунктах 1, 3, 4, не трудно видеть, что от выполнения этих последних трех условий (абсолютная понятность, новизна научная и эстетичность экспозиции) зависят Профиль данного Музея в смысле отнесения его к разряду «массовых» или «профессиональных», «цеховых» музеев.

И действительно, пункт 1 обеспечивает полную доступность содержания **Дарвиновского Музея** для совсем неподготовленного зрителя.

Пункт 3 — гарантирует внимание к Музею и со стороны ученого.

Пункт 4-ый объединяет интересы и «ученого» и «Не-ученого»!

Определяя «профили» музеев приведенные семь признаков определяют вместе с тем и профиль их работников.

И в самом деле. Как проста сравнительно задача и ответственность сотрудников профессионального Музея типа нашего Политехнического, и Зоологического.

Непонятен аппарат, невразумительно строение и название птицы? — Не беда! Руководителей Музея это не тревожит: кому нужно — тот усвоит и строение прибора, и название птицы! Неусвоившие лишь докажут, что Музей был создан «не для них!».

Или другой пример, обратный предыдущему. Возможен случай, когда зритель «перерос» экспонатуру данного Музея и скучает, находя в нем лишь трюизмы и «банальности».

Эту чрезмерную взыскательность ученых знатоков предмета и упреки их в «элементаризме» также можно без труда спарировать, сказав, что ведь не все же посетители Музея столь учены, что «учить их — только портить!»

Но совсем иначе будет реагировать на те же нарекания Музей имени **Дарвина**, как подлинно «общедоступный». Понимать эту «общедоступность» лишь буквально, в смысле дарования физического доступа — явилось бы фальшивкой. Для Музея типа Дарвиновского понятие «Общедоступности» должно быть равнозначуще понятию «Общепонятности», и «Общеувлекательности» и при том не только при равнении на массового малоподготовленного зрителя, но и на «знатока предмета», на ученого-специалиста.

Выражаясь фигурально, можно было бы эти различия трех разбираемых музеев выразить посредством следующих аналогий:

Музей Политехнический — сравним с Технической Энциклопедией, все время переиздаваемой, «всегда законченной — никогда не оконченной».

Музей Зоологический — с научной сводкой, содержание которой в основном давно и прочно установлено, нуждаясь только в небольших поправках или дополнениях.

Музей имени Дарвина — есть Книга, создаваемая заново на материале, либо абсолютно новом, либо новом по характеру и стилю изложения и в целях широчайшей и серьезной популяризации лишь самых основных, незыблемых научных истин, — элементов современного научного мировоззрения.